

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

И. В. Шахновская,

кандидат юридических наук,

заведующий кафедрой конституционного права и государственного управления,

Полоцкий государственный университета имени Евфросинии Полоцкой

Стоит отметить, что сам процесс построения информационного общества и электронного государства «запущен» относительно давно. Так, построение электронного государства в Республике Беларусь берет начало с 2003 года, когда было принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2002 № 1819 «Об утверждении Государственной программы информатизации Республики Беларусь на 2003-2005 гг. и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь». В дальнейшем также был принят ряд нормативных правовых актов, стимулирующих дальнейшее построение электронного государства. В настоящий момент действует Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 – 2022 годы, утвержденная на заседании Президиума Совета Министров от 03.11.2015 № 26.

Такого рода акты программно-целевого характера являются основанием для дальнейшей разработки национального законодательства с учетом внедрения и использования информационных технологий.

В настоящий момент сущность цифровизации становится предметом исследования различных научных трудов. К примеру, Т.А. Полякова предлагает понимать цифровизацию в двух аспектах: узком и широком. Так, первый предполагает процесс преобразования информации в определенную цифровую форму. В широком смысле цифровизация представлена в качестве общемирового тренда развития всех сфер общественной жизни посредством преобразования в цифровую форму [1, с. 54].

В контексте права важно четко очертить круг возможного вмешательства цифровизации в правовую действительность, определить, какие процессы в праве могут быть «оцифрованы». В данном направлении весьма разнятся европейские подходы и исследования российских ученых. Первые из них отдают предпочтение использованию понятия «цифровизация в праве» [2, с. 5], в то время как российские исследователи оперируют понятием «цифровизация права» [3, с. 257].

Цифровизация права предполагает процесс «оцифровки» самого права как совокупности правовых норм, где первичным элементом данного процесса

должно выступать само правило поведения. Корректно ли употребление такого контекста? Правильно ли говорить о том, что предметом цифровизации выступает правовая норма? Отметим свою приверженность подходу И.В. Лексина в части невозможности признания правовой нормы цифровой или нецифровой [4, с. 605]. Правовая норма – это правило поведения, которое регулирует определенные общественные отношения. При этом даже если представить норму права в цифровом формате ее содержание не изменится.

С точностью то же самое следует сказать и об источниках права. Независимо от отнесения государства к той или иной правовой семье (англо-саксонской, романо-германской, мусульманской и др.), где преобладающее значение будет занимать определенный источник права, внешняя форма выражения права не изменит своего назначения и содержания. Однако процесс официального опубликования конечного результата может быть представлен в цифровой форме, а может и нет. Здесь большинство государств мира перешли на использование правовых интернет-порталов, правовых баз данных, в которых в цифровой форме доводятся до населения принятые правовые акты. К примеру, Республика Беларусь (Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь), Российская Федерация (Официальный интернет-портал правовой информации), Республика Казахстан (Информационно-правовая система «Әділет»), Республика Узбекистан (Национальная база данных Республики Узбекистан «LexUZ»), Франция (Le service public de la diffusion du droit «Légifrance») и др. При этом требования к обязательному цифровому доведению до населения положений нормативных правовых актов давно внесены в соответствующее национальное законодательство государств. Следовательно, здесь уместно говорить о цифровизации в законодательстве.

Схожая ситуация с цифровизацией правовых отношений. Возможно ли это? Структурно любое правовое отношение состоит из ряда элементов: субъект, объект, юридический факт и, собственно, содержание. В правовой теории до сегодняшнего момента не устоялось всеобщего признания понятия «цифровой субъект». Отдельные дискуссии в юридической литературе присутствуют в части отнесения роботов к таковым (А.И. Тиунова [5, с. 57], С.А. Соменков [6, с. 75] и др.), однако единогласного решения по данному вопросу не принято. Кроме того, еще в 2017 году Европарламент в своем отчете указал на ряд этических принципов в отношении деятельности искусственного интеллекта (роботов). Функционирование роботов должно осуществляться под контролем человека и не причинять ему вреда, из чего вытекает вывод о невозможности придания роботам статуса электронной личности.

Относительно существования цифровых объектов как элементов правоотношения, то многие государства идут по пути признания таковых на уровне законодательства. Отметим, что в данном направлении Российская Федерация сделала «большой шаг» вперед в законодательной регламентации цифровых прав, однако, только в гражданской сфере. Так, Федеральным Законом Российской Федерации от 18.03.2019 № 34-ФЗ были внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации путем включения в область законодательного регулирования категории «цифровых прав». Отметим, что в Республике Беларусь, несмотря на принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» схожие нормы в гражданское законодательство до настоящего времени не внесены. Юридические факты также могут быть представлены в цифровом виде. Однако содержание, сама сущность любого правоотношения не подвергается трансформации и не имеет «оцифровки». Его содержание по-прежнему будет носить характер взаимодействия участников, выражающееся в совокупности имеющихся их прав и обязанностей. Таким образом, более корректно использовать термин «цифровизация в правоотношении».

Следовательно, исследования в части использования феномена «цифровизации права» ставят под сомнение корректность его использования исходя из его содержания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полякова, Т.А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы / Т.А. Полякова // Мониторинг правоприменения. – 2020. - №2 (35). - С. 53-58.
2. Radvan, M. Guest Editor's Note on Digitalization in Law / M.Radvan // BRICS Law Journal. – 2020. - №7(2). - pp. 5-9.
3. Овчинников, А.И. Риски в процессах цифровизации права / А.И. Овчинников // Юридическая техника. – 2019. - № 13. - С. 257-261.
4. Leksin, I. Law and Digitalization: Some Academic Illusions and Practical Issues / I. Leksin // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2021. - №14 (5). - С. 602-610.
5. Тиунова, А.И. Робот как субъект правоотношения – миф или реальность? / А.И. Тиунова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. - №2. - С. 57-59.
6. Соменков, С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту / С.А. Соменков // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. - №2. - С. 75-85.